

Panovová, Ema

Жанр как решающий фактор рецензии

In: *Genologické studie. I.* 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 1991, pp. 91-98

ISBN 8021001240

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132248>

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЖАНР КАК РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР РЕЦЕПЦИИ

Ева Рапчовová (Bratislava)

Несколько обстоятельств способствовало тому, что наша русистика не открыла для себя одну область, в которой словацко-русские литературные связи оставили яркий след. Имеется в виду период между двумя войнами, а именно развлекательная литература и литература, предназначенная для детей и юношества, а состав которой входят разные жанры, нередко общие для обеих разновидностей литератур.

Одним из обстоятельств того, почему мы так мало об этом знаем, была ориентация исследователей на ведущих представителей русской литературы. Определенное внимание уделялось литературным направлениям (символизм, футуризм и соц. реализм), но только исключительно литературным жанрам (поэма, баллада), а в связи с исследованием жанров анализу подвергались произведения одних и тех же крупных писателей.

Эта установка наложила отпечаток и на библиографические работы, их выборочный характер.¹

Но дело не только в отсутствии полной библиографии; произведения развлекательной литературы не попадали в библиографию также и потому, что ее относили к периферии литературы.

Методологическая установка наших компаративистских работ, ищущих связь между потребностями воспринимающей литературы и характером воспринимаемой, определяла внимание к следующим отношениям: воспринимаемое произведение - перевод - воспринимающая литература. Это явилось еще одной причиной, почему мы не обнаружили и не исследовали значение русской развлекательной литературы. Воздействие этой литературы на читателя, т.е. на пассивного реципиента, оставалось за малым исключением без внимания.²

В настоящее время можно наблюдать изменение в отношении к развлекательной литературе. В пятый том недавно вышедшей Истории словацкой литературы уже включены небольшие главы, посвященные бытованию этих жанров словацкой литературы в межвоенный период.³ Также полная библиография,готавливаемая Матицей словацкой, при-

ближается к завершению. Через год - два мы сможем получить полную картину рецепции русской, и не только русской литературы. Но уже то, чем мы к сегодняшнему дню располагаем, позволяет нам сделать определенные выводы.

Значительную роль жанра при рецепции русской литературы, и не только русской, можно продемонстрировать на примере переводов произведений развлекательной литературы и литературы для детей и юношества, в частности, на примере приключенческой литературы и сказки - жанров, общих обеим литературам, - а также юмористической и сатирической литератур. В жанре я предполагаю интерпретационный ключ для объяснения сумм переводов произведений разного характера, разного времени, разных авторов, представляющих многообразные тенденции.

Остановлюсь на переводах из приключенческой литературы. В рамках этого жанра имеются переводы писателей до- и послереволюционных: основатель этого жанра в советской литературе Бианки, и ее классик - Ильин; авторы романов путешествий Николая Чуковского, Каверина, Заяицкого и прочих писателей и рядом с ними очень популярные дореволюционные писатели Гарин-Михайловский, Мамин-Сибиряк, Дорозевич и др. Мировоззрение и политические позиции авторов не учитываются и в переводах этих произведений не оставляют явных следов. Таким образом, литература этого жанра приемлема для всех без учета идеологии. Круг читателей ограничен только интересом читателей к определенным жанрам этой развлекательной литературы. Но в рамках жанра встречаются читатели разного возраста, образования и идеологии.

Жанр и потребность в нем является также решающим фактором в рецепции русского фольклора, интереса к сказке народной, ее литературной обработке и к литературной сказке. В межвоенный период появилось в Словакии девять книжных публикаций переводов сказок⁴ (и множество журнальных переводов), содержащихся в сборниках, составленных в 19-ом веке Афанасьевым, Тихомировым, и в сборниках, составленных в советскую эпоху, например, А. Толстым, автором изблюбленных произведений для детей. В упомянутые публикации переводов входили также рассказы о животных Тургенева, Лескова, Чехова, пользовавшиеся устойчивым интересом читателей, и рассказы с аналогичной тематикой советских писателей (В. Бианки и др.). Само содержание этих публикаций, отличающихся пестрым и неоднородным составом авторов и произведений, свидетельствует о решающей роли жанра, отвечающего потребностям детского читателя и развития словацкой детской литературы данного периода. Очевидно, что в этом случае мировоззренческие позиции авторов или составителей сборников сказок отступают на задний план.

Что касается юмора и сатиры, то внимание читателей привлекает одинаково незлобный юмор и общественная сатира (даже разного идеологического направления), о чем говорит большое количество переводов произведений разнообразного характера. А именно: сотни переводов Чехова раннего периода (они заполняли страницы журналов уже на переломе веков), Зошенко (200), немного Шилкова, Ильфа и Петрова, Пантелеймона Романова, и ряд рассказов из журнала "Крокодил", из московского сборника "Веселые сказки" и других советских сборников юмористических рассказов. Одновременно печатаются рассказы Аверченко (около 260), Надежды Бучинской-Лохвицкой (псевдоним Тэффи). Наряду с вечными темами, объединяющими авторов, мы встречаем здесь и острую общественную сатиру, в которой расходятся советский писатель Зошенко и Аверченко антисоветского периода и др. Поэтому будет, видимо, правильно только в рамках этого широко проявленного и явного интереса к юмору и сатире, как к жанру развлекательной литературы, провести дальнейшую дифференциацию, исходящую из идеологических аспектов. Но, если бы мы, исходя лишь из идеологических аспектов, дифференцировали переводимых писателей, получилась бы разобщающая политическая классификация авторов и мы не могли бы определять общий для всех знаменатель - жанр как основную сферу, объединяющую читательский интерес.

Поэтому необходимо исследовать переводы всех авторов без исключения, ибо только в таком случае станет яственной картина того, какие жанры этой литературы находятся в центре читательского интереса и какова их функция как решающего фактора рецепции. Исследуя переводимую литературу, необходимо обратить внимание на все проявления читательского интереса также и потому, что объективная оценка характера рецепции возможна только при сопоставлении переводов произведений разного характера, например, разной идеологической ориентации авторов одной воспринимаемой литературы (напр., русской) или при сопоставлении интереса проявленного к определенным жанрам русской литературы с интересом к произведениям тех же жанров, переводимым из других литератур.

В интересе к произведениям некоторых уже упомянутых писателей наблюдается определенное передвижение в рамках жанра: некоторые произведения, предназначенные первоначально для взрослого читателя, входят в это время в сферу детского чтения.

Перемещение определенных произведений художественной литературы из "большой" в литературу развлекательную и из обеих в

детскую, или перемещение литературы народнообразовательного характера в детскую литературу наблюдается в связи с изменением читательского вкуса или большей культурной зрелостью читателей. И здесь является жанр существенным фактором при объяснении литературной рецепции. Так, например, сказки и повести Л. Н. Толстого, предназначенные для простого читателя из народа, пользовавшиеся в Словакии на переломе веков большой популярностью (они издавались в специальных библиотеках народнообразовательного характера), становятся в межвоенный период достоянием литературы для детей и юношества и заполняют детские журналы и отделы газет. По имеющимся данным, они составляют общим счетом 230 5/8 единиц. В печати появляется 19 книжных изданий рассказов Толстого преимущественно этого характера, между тем как в то же время из остального творчества — из романов и повестей — появляется только 6 книжных публикации.

Спрашивается, почему эти сказки в разные времена благоприятно воспринимались то взрослыми, то читателям юношеского возраста. Видимо, здесь сыграли роль несколько моментов. В рассказах Толстого мы имеем дело с универсальной моралью и гуманистическим посланием, не теряющим и актуальность. И идея нравственного самоусовершенствования, воплощенная в этих рассказах, чутко воспринимается молодежью определенного возраста. Эти рассказы влияли не только на необразованные слои 19-го века, но и на молодежь 20-го века, учили их различать добро и зло, осуждать социальную несправедливость. Преодолеть барьеры, отделяющие взрослого читателя от юного, помогала и общедоступная форма, простота средств изображения этих рассказов. Определенная идеализация в изображении характеров, имеющая место в этих рассказах, свойственна малообразованному и юному читателю. Итак, мы видим, что в художественной структуре и идейном содержании этих рассказов заключен целый ряд предпосылок, облегчающих их усвоение читателями разного возраста.

Стоит одновременно также обратить внимание на тот факт, что в отличие от пушкинских "Повестей Белкина" воздействовали рассказам Л. Н. Толстого на переломе веков и на творчество словацких писателей. В это время реалистические черты нравоучительных рассказов Толстого и его этические воззрения еще плодотворно содействовали развитию реалистической прозы таких видных словацких писателей, какими были Й. Г. Таевский, М. Кукучин, Тимрава, и влияли на творчество других, более мелких писателей. В литературной критике они находили также надлежащий отклик; так, из 46 статей, посвященных творчеству Толстого (см. библиографию Духаевой), только одна — "Как писал Толстой свои нравоучительные сказки" — посвящена этому аспекту творчества великого писателя. По-видимому, не существует прямая связь между количеством переводов произведений развлекательной литературы и вниманием к ним литературной критики. Подтверждает это и отношение между количеством переводов сатирических рассказов Зоценко и единственной статьей, посвященной их автору.

Приведу еще пример, относящийся к тем переменам, которые произошли с переводами пушкинских "Повестей Белкина". Судьба этих рассказов в Словакии особая, как в читательском, так и литературном

отношениях. Бросается в глаза, что словацкие переводчики этой прозы 19-го и 20-го веков не были писателями, интерес которых к переводимому автору исходил из собственных творческих поисков (как это имело место в отношении к рассказам Гоголя, Тургенева), а люди случайные. Причину этого факта объясняет сопоставление характерных черт этой прозы с характеристическими чертами отдельных этапов развития словацкой литературы. Дело в том, что на протяжении одного столетия не была здесь такая ситуация, которая способствовала бы развитию творческого интереса словацких писателей к этим рассказам Пушкина. В то время, когда романтический сюжет этих рассказов был в Словакии актуален, отсутствовали еще некоторые моменты литературного порядка, особенно стилистические и языковые средства. А в период, когда подобные средства словацкий реализм уже создал, эти рассказы стали уже неактуальными из-за своей романтической тематики. Сюжетную прозу заменил к тому времени уже очерк гоголевского типа. Значит, если в первую пору пушкинская реалистическая трактовка романтических тем не подходила, то на переломе веков при наличии реалистических средств изображения и более развитого литературного языка стала неактуальной их романтическая тематика.

Все это объясняет, почему эта образцовая проза Пушкина не привлекала внимание активных творцов литературы. Не так обстояло дело с восприятием "Повестей Белкина" рядовым читателем. Это даже на переломе веков еще привлекает романтические, приключенческие темы этого произведения. А к восприятию их художественных средств был этот читатель уже подготовлен развитием домашней словацкой литературы. Но в межвоенный период становятся эти романтические сюжеты неактуальными и для рядового читателя, ставшего более "взрослым" по своим интересам. После чего эти рассказы перемещаются в литературу, предназначенную для юного читателя, которого привлекает прежде всего приключенческий характер их романтических тем. А так как в культурной политике наблюдается стремление ответить на интерес к приключенческой литературе, то переводы классических произведений такого рода часто публиковались в разных журналах.

Итак, чтобы получить полное представление о характере и мотивах рецепции иностранных литератур на протяжении исторического развития принимающей литературы, необходимо исследовать не только потребности ее развития, но и интерес читателей.

В рассматриваемый нами период выбор переводной литературы определяет целый комплекс факторов; жанр является категорией, соединяющей интерес к старшей и новейшей воспринимаемой литературе, причем без учета идеологической направленности.

Примечания

- 1 Duchajová, E.: K slovensko-ruským literárnym vzťahom v medzivojnovom období. Provizórny súpis. Matica slovenská, Martin 1970; Roman, M.: Slovenské preklady z ruskej sovietskej literatúry v rokoch 1920-1940. Bibliografický obzor. SNP, Bratislava 1970.
- 2 Воздействие литературы на сознание рядового читателя должно быть особенно важно для марксистского литературоведения. Поэтому не случайно, что больше, чем у других, мы узнаем по этому вопросу из работ Ш. Друга, посвященной началу социалистической литературы в Словакии. Он затрагивает в этой работе вопросы общественной и идеологической функций советской литературы. Несмотря на то, что принципы и теории коммуникации он не провозглашает, Друг, в сущности, отвечает на вопросы, касающиеся отношения между литературой и ее читателями. Интересным здесь является тот факт, что формы советской культурно-массовой работы после-революционного периода (культурные митинги, художественное чтение, массовые театральные выступления) непосредственно и успешно переносились, в то время как то, что составляло содержание этих выступлений, пользовалось значительно меньшим успехом. (Смотри ближе: Drug, Š.: Kapitoly k začiatkom socialistickej literatúry na Slovensku, Bratislava, Veda 1961).
- 3 Čepan, O.: Zánre tzv. populárnej literatúry. In: Dejiny slovenskej literatúry V. Bratislava 1964, 644 - 655; Korpál, J.: Literatúra pre deti v rokoch 1918 - 1945, тамже 797 - 829.
- 4 Tulupov, M.: Ruské bájky pre malé deti. Перевод : Н. Турцерова-Девеčková, 1921; Rozprávky pre deti (Russkije narodnyje skazki), перевод : R. Kláčko, 1922; Tichomirov, D. J.: Pohádky o zvieratách, (переводчик не указан), 1924; Polušin, M.: Ako mužik ženu priviedol k rozumu; перевел : Vršatský Svoboda, 1924; Perovskaja, O. V.: Deti a zvieratá, V. Valenta-Alfa a Š. Zezla, 1938; Svetielka; перевели ученики коммерческой академии города Košice 1927; Fedorov-Davydov, A.: Chovanica starej Belži a iné rozprávky zo života zvierat (переводчик не указан), 1927; Afanasiev, A.: Ruské rozprávky; перевод : Hana Ruppelldtová, 1932, 1942.
- 5 Книжные издания : 1918 - Otróctvo našej doby, A. Škarvan; 1920 - Bájky (переводчик не указан) ; 1921 - Krstia, A. Škarvan; 1921 - Nevyspytatelné sú cesty Pánovce (переводчик не указан) ; 1921 - Zokrates a iné poviedky (переводчик не указан) ; 1921 - Dus oheň, kým tie (переводчик не указан) ; 1922 - Rozprávky ruských spisovateľov, P. Tvrđý; 1923 - Bohu či mamone, D. Makoviský; 1923 - Ako si čertik krajec chleba vyslúžil, A. Škarvan; 1925 - Dvaja bratia a zlato, Kysucký (J. Pöstényi); 1925 - Horal Galub a jeho synovia, Kysucký (J. Pöstényi); 1925 - Spravodlivý sudca a iné rozprávky, J. K.; 1925 - Svetlý život (переводчик не указан); 1925 - Sviečka (переводчик не указан) ; 1925 - Borenie lesa. Rozpráva junker, J. L.; 1931 - Rozprávky pre ľud,

tom 1-2, K. Podolinský; 1933 - O láske k bližnému. Dve rozprávky, K. Podolinský; 1936 - Grécky učiteľ Sokrates (prekladník ne uvedený).

- 6 Slovačtí spisovatelia hľadali v nich odpoveď na otázku, ako písať pre národ, "ako využívať zdroje národnej kultúry pre umelcke tvorbu". (Vlček, In: A. Mráz, Tolstoj u Slovákov. Bratislava 1950, 15s).
- 7 Ako písal Tolstoj svoje ľudovo-národné rozprávky. Slovenská politika 1929, No 295, s. 3.
- 8 R. (Mráz, A.): Michail Michajlovič Zoščenko. Slovenské pohľady 1931, No 6-8, 513-514.
- 9 1921 - Piková dáma, A. Gašparíková; 1923 - Kapitánova dcéra, J. Maro; 1925 - Dubrovský, M. B. Sládkovičov; 1925 - Výstrel, Staničný dozorca, M. B. Sládkovičov; 1926 (1944) - Rozprávky, J. M. Fridavok; 1943 - Piková dáma, J. Vavro; 1946 - Kapitánova dcéra, J. Hruščo (O. Fridavok).
- 10 Panovová, E.: Puškinova próza na Slovensku. Slavica slovača 1967, No 2, s. 125, 138.

DIE SCHLÜSSELFUNKTION DES GENRES ALS FAKTOR DER LESERREZEPTION

Ema Panovová

Der Beitrag befaßt sich mit der Rezeption der russischen und sowjetischen populären Literatur in der Slowakei in den Jahren 1918-1958. Es handelt sich um ein Gebiet, dem die slowakische Komparatistik bisher keine Aufmerksamkeit widmete. Zwei Gründe haben dabei eine Rolle gespielt: Erstens, das Hauptinteresse für die Rezeption der bedeutsamen Repräsentanten der russischen und sowjetischen Literatur und die analogisch orientierten bibliographischen Arbeiten. Zweitens, im Vordergrund der Interessen der Komparatisten standen diejenigen russischen und sowjetischen Schriftsteller, deren Werk einen gewissen Einfluß auf die slowakische Literatur ausübte. Die sogenannte Massenliteratur und die Interessen der Leser waren nicht Gegenstand der Forschung.

Die fast vollendete komplette Bibliographie der Matica slovenská hat den Autor dieses Beitrages veranlaßt, auf die große Bedeutung der russischen und sowjetischen populären Literatur hinzuweisen. In der Zwischenkriegszeit haben Übersetzungen von Werken sowjetischer Autoren dieses Genres den slowakischen Leser überschwemmt, wobei die Struktur dieser Literatur ideologisch sehr differenziert und heterogen war. Aufgrund dessen kommt der Autor zur Schlußfolgerung, daß diese Rezeption nur mit dem ausgeprägten Interesse zu solchen Genres der populären Literatur, wie die humoristische, abenteuerliche und andere, zu erklären ist. Das Interesse für das Genre vereinigt Leser verschiedener Ideologien und Weltanschauungen, besonders wenn es sich um Werke handelt, in denen sich die entgegengesetzten weltanschaulichen Grundpositionen der Autoren offenbar nicht manifestieren.